

- (1921-1922 гг.). Гуманитарные науки в Сибири. № 3. Том 22. Новосибирск: Издательство сибирского отделения РАН, 2015. С. 44 – 49.
16. Вестник Временного Приамурского правительства, 10 ноября 1921 г., № 24. С. 3.
17. Вестник Временного Приамурского правительства, 31 января 1922 г., № 6. С. 2.
18. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р950. Оп. 1. Д. 101. Л. 72 – 72 об.
19. Вестник Временного Приамурского правительства, 26 апреля 1922 г., № 24. С. 1 – 3.
20. Вестник Временного Приамурского правительства, 8 августа 1922 г., № 49. С. 13.
21. Русский край, 11 августа 1922 г., № 379. С. 2.

#### References

- Molchanov L.A. Gazetnaja pressa Rossii v gody revoljucii i Grazhdanskoj vojny (okt.1917–1920 gg.) [Newspaper press in Russia during the revolution and the Civil War (October 1917-1920)]. M.: Izdatpropress, 2002. 272 s.
- Golos Rodiny [Voice of Motherland]. March 21, 1920, No. 148, p. 2.
- Cvetkov V.Zh. Beloe delo v Rossii. 1920 – 1922 gg. (formirovanie i jevoljucija politicheskikh struktur Belogo dvizhenija v Rossii) [White cause in Russia. 1920 - 1922 (formation and evolution of political structures of the White movement in Russia)]. M.: MPGU, 2016. 640 p.
- Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva [Bulletin of Provisional Priamur government]. June 30, 1921, No. 2, p. 2.
- Slovo [Word]. June 18, 1921, No. 333, p. 2.
- Volja [Will]. June 25, 1921, No. 216, p. 4.
- Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva [Bulletin of Provisional Priamur government], July 11, 1921, No. 4, p. 5.
- Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva [Bulletin of Provisional Priamur government]. July 25, 1921, No. 6, p. 1.
- Ussurijskoe slovo [Ussurian Word]. June 20, 1921, No. 288, p. 2.
- Golos Rodiny [Voice of Motherland]. July 18, 1921, No. 548, pp. 1 – 2.
- Golos Rodiny [Voice of Motherland]. July 26, 1921, No. 556, p. 3.
- Golos Rodiny [Voice of Motherland]. June 10, 1921, No. 511, p. 2.
- Golos Rodiny [Voice of Motherland]. August 2, 1921, No. 563, p. 2.
- Slovo [Word]. November 16, 1921, No. 454, p. 3.
- Posadskov A.L. Pisatel' Vs.N. Ivanov vo glave izdatel'skogo dela Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva (1921-1922 gg.) [Writer Vs. N. Ivanov at the head of the publishing of the Provisional Amur Government (1921-1922)]. Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. No. 3. Vol. 22. Novosibirsk: Publishing House of Siberian branch of RAS, 2015, pp. 44 – 49.
- Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva [Bulletin of Provisional Priamur government]. November 10, 1921, No. 24, p. 3.
- Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva [Bulletin of Provisional Priamur government]. January 31, 1922, No. 6, p. 2.
- Gosudarstvennyj Arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. R950. Op. 1. D. 101. L. 72 – 72 ob.
- Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva [Bulletin of Provisional Priamur government]. April 26, 1922, No. 24, pp. 1 – 3.
- Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva [Bulletin of Provisional Priamur government]. August 8, 1922. No. 49, p. 13.
- Russkij kraj [Russian Land]. August 11, 1922. No. 379, p. 2.

© «Клио», 2020  
© Попов Ф.А., 2020

УДК 94(470+571) «1900/1949»

Дата поступления (Submitted) 03.09.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 12.09.2020

**OLEG ANATOLIEVICH LYUBEZNIKOV**

*Candidate of Science in History,  
Saint Petersburg State University  
Senior Lecturer of the Department of Museum  
Studies and Protection of Monuments,  
199034, Russia, Saint-Petersburg,  
Universitetskaya nab., 7–9  
89215649776 o.lyubeznikov@spbu.ru ;  
oleglubeznikov@mail.ru*

## Architects-researchers and the problem of continuity in the practice of architectural restoration in Leningrad in the 1920s – 1940s. Part 1.

The emergence of the theory and method of architectural restoration in Leningrad is usually attributed to the post-war period, but the pre-revolutionary experience of the restoration of monuments is known too. The restoration in Leningrad in the 1920s - 1930s and the question of the continuity of pre-war and post-war restoration in the city remain unexplored. The purpose of the article is to examine the history of restoration in

Leningrad at the personal and methodological levels from pre-revolutionary to post-war times in the ideological context of the 1910s – 1940s. The main sources of the article were unpublished documents from seven Petersburg's archives. The analysis of these sources allowed the author to recreate the history of the gradual extinction of the school of architects-researchers that existed at the Academy of Arts. They aspired to a total scientific study of the monuments of Russian national architecture during the restoration work. Cooperation of the last representatives of this school – architects A.P. Udalenkov (1887-1975) and N.P. Nikitin (1884-1971) – with the Inspectorate for the Protection of Monuments and young restorers after the war ensured the continuity of theoretical positions and practical methods of architectural restoration from the Petrograd academic school to the so-called “Leningrad school”. However, the ideological basis of the work of architects-researchers, convinced of the originality of national architecture and the need to preserve the monuments of Russian art, was forgotten after the beginning of the “Leningrad affair”.

**Keywords:** restoration, Leningrad, Academy of Arts, A. P. Udalenkov, N. P. Nikitin, N. N. Belehov, architect, russocentrism.

### ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ ЛЮБЕЗНИКОВ

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Старший преподаватель Кафедры музейного дела и охраны памятников

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

89215649776 o.lyubeznikov@spbu.ru ; oleglubeznikov@mail.ru

Возникновение теории и методики архитектурной реставрации в Ленинграде принято относить к послевоенному периоду, хотя в историографии отмечен еще дореволюционный опыт охраны и восстановления памятников, связанный с именами архитекторов-профессоров Академии художеств. Вне поля зрения исследователей остается реставрационное дело в Ленинграде 1920-х – 1930-х гг., а также вопрос о преемственности довоенной и послевоенной реставрации в городе. Цель настоящей статьи – рассмотреть историю ленинградской реставрации на персональном и методологическом уровнях с дореволюционного до послевоенного времени в идеологическом контексте 1910-х – 1940-х гг. Реконструкция биографий ведущих ленинградских реставраторов, творчески активных до и после Великой Отечественной войны, анализ их взглядов в области теории и практики реставрации стали задачами исследования. Основными источниками работы явились прежде не известные исследователям документы из семи петербургских архивохранилищ. Их анализ позволил автору воссоздать историю постепенного угасания существовавшей в Академии художеств школы архитекторов-исследователей, стремившихся к тотальному научному изучению реставрируемых памятников русского национального зодчества. Ее последними представителями стали выпускники Академии 1917 года архитекторы А.П. Удаленков (1887–1975) и Н.П. Никитин (1884–1971), чей опыт в реставрации в первые десятилетия советской власти был официально востребован сразу после окончания войны. Автор приходит к выводу, что тесное и разнообразное сотрудничество А.П. Удаленкова и Н.П. Никитина с Инспекцией по охране памятников и молодыми реставраторами обеспечило преемственность теоретических положений и практических методик архитектурной реставрации от петроградской академической школы к так называемой «ленинградской школе». Однако вся идеологическая основа деятельности архитекторов-исследователей, убежденных в самобытности национального зодчества и необходимости сохранения памятников русского искусства, с начала «ленинградского дела» оказалась в забвении.

**Ключевые слова:** реставрация, Ленинград, Академия художеств, А.П. Удаленков, Н.П. Никитин, Н.Н. Белехов, руссоцентризм.

## Архитекторы-исследователи и проблема преемственности в деле архитектурной реставрации в Ленинграде 1920-х – 1940-х гг. Часть 1.

**В** 2015 г. серией публикаций было широко отмечено 70-летие ленинградской школы реставрации. Авторы связывали ее возникновение с образованием 1 июля 1945 г. Архитектурно-реставрационных мастерских Управления по делам архитектуры Исполкома Ленсовета [1] и отмечали, что ленинградская реставрационная школа сформировалась именно в ходе послевоенных восстановительных работ, которые «способствовали возобновлению утраченных технологий, выработке новых методов моделировки и

копирования, тщательному изучению сохранившейся природы, а также аналогов» [2, с. 56]. «В общепринятом смысле с понятием ленинградской школы реставрации связывается представление о послевоенном воссоздании разрушенных памятников дворцово-паркового искусства, целостной реставрации, широко воспроизведении традиционных старых приемов архитектурной отделки в памятниках барокко и классицизма» [3, с. 341].

В исследовательской литературе сформировался своеобразный канонический список имен

ленинградских архитекторов-реставраторов послевоенного времени. К числу корифеев послевоенной реставрации традиционно относят К.Д. Халтурина (1905-1981), В.М. Савкова (1907-1978), А.А. Кедринского (1917-2003), А.Э. Гессена (1917-2001), Е.В. Казанскую (1915-1996), И.Н. Бенуа (1912-2004), М.М. Плотникова (1901-1992), А.Л. Ротац<sup>1</sup> (1893-1990), Ф.Ф. Олейника (1902-1954) [2, с. 56; 5; 6, с. 89; 7]. Подавляющему большинству из них к моменту окончания войны было около 35 – 40 лет. Наиболее деятельному и активному стороннику и организатору скорейших восстановительных работ, начальнику Государственной инспекции по охране памятников (далее – ГИОП) Н.Н. Белехову на исходе 1944 г. тоже исполнилось 40 лет [8]. Все они, согласно современной научной литературе, и сформировали основные понятия реставрационной методологии [1, с. 19; 7, с. 114]<sup>2</sup>. Однако еще в 2004 г. один из авторов фундаментального исследования по истории советской архитектурной реставрации Е.Ю. Петрова отметила, что в послевоенный период в Ленинграде не были отброшены традиции проведения реставрационных работ, «сложившиеся до войны» (курсив наш – О.Л.). К их числу она относила «опыт подробного архитектурного «археологического» исследования и графической фиксации памятников, составления историко-архивных справок, ориентацию на сохранение и выявление подлинных архитектурных фрагментов первоначальных периодов существования зданий, тщательную их консервацию, направленность на выявление всех наиболее ценных сторон художественного облика здания, вообще культуру отношения к подлиннику» [3, с. 340]. Но кто выступал хранителем этих традиций? С именами каких архитекторов они связаны? Вероятно, речь должна идти о людях более раннего, предшествующего поколения, чем названные выше реставраторы.

Согласно воспоминаниям главного архитектора Ленинграда в 1938-1950 гг. Н.В. Баранова, «из крупных архитекторов» старшего поколения в осажденном городе осталось три мастера – Л.А. Ильин, И.И. Фомин и Е.И. Катонин [10, с. 86]. Но это были зодчие-градостроители, участвовавшие до войны в разработке генерального плана развития города, занятые проектированием новых построек, в то время как «работа в реставрации <...>, при всей ее привлекательности в культурном отношении, была достаточно непрестижной среди архитекторов» [3, с. 341]. В период широкого распространения в архитектуре Ленинграда авангарда зодчие, занимавшиеся деятельной охраной памятников прошлых эпох, должны были обладать внутренней убежденностью в непреходящей ценности классических построек, старины. Профессионально сложившиеся еще в дореволюционный период, активно работавшие в 1920-е – 1930-е гг. эти архитекторы широкой публике не известны вовсе, а в специальной литературе упоминаний о них крайне мало.

Историографию истории архитектурной ре-

ставрации в Ленинграде в довоенный период нельзя считать обширной. Во второй половине XX в. «в отношении бывшей столицы по обе стороны «железного занавеса» господствовало мнение, что коммунистический Ленинград не имел ничего общего с имперским Петербургом» [11, с. 15]. По образному выражению Ж. Нива, «в 20-е годы этот город казался покинутым жизнью» [12, с. 183]. Яркий пример такого восприятия состояния городской архитектуры являет недавняя монография А. Шенле, который называет послереволюционный Петроград «лежащим в развалинах городом» с «царящей [и после 1924 г.] в нем разрухой» [13, с. 226, 230], сводя на нет факт реставрационных вмешательств. Послевоенные работы, по его мнению, породили «миф о некой особой ленинградской реставрационной школе и ее преданности аутентичной реставрации» [13, с. 41]<sup>3</sup>. А. Шенле убежден в отсутствии каких бы то ни было сохранявшихся на протяжении десятилетий базисных принципов работы ленинградских реставраторов и подчеркивает «решающую роль идеологии в принятии реставраторами своих профессиональных решений» [13, с. 42]. На связь идеологических установок и реставрационной практики указывает и автор специального монографического исследования о ленинградской реставрации в 1930 – 1950-е гг. С. Мэддокс. Основное внимание уделяя послевоенным восстановительным работам, он кратко характеризует состояние сферы охраны памятников в Ленинграде в 1920 – 1930-е гг., но справедливо отмечает, что новые власти «работали с дореволюционными реставраторами, чтобы спасти наследие страны от разрушения, мародерства и вандализма» [14, с. 34].

Принципиально иначе участие дореволюционных архитекторов-реставраторов в работе ленинградских органов охраны памятников в 1920-е гг. оценивает К. Келли. Ответственность за массовое закрытие и снос церковей второй половины XIX в. в Ленинграде, по ее мнению, лежит не только на партийных и государственных органах, но и на архитекторах, которые будучи убежденными противниками «русского стиля» руководствовались критерием художественной и исторической ценности построек и беспощадно исключали эти храмы из списков памятников [15, с. 73, 74]. Хотя отношение петроградских-ленинградских зодчих к «национальному стилю» представляется более сложным [16], а применение критерия художественной и исторической ценности построек в сфере охраны памятников – естественным, основанная на архивных документах работа К. Келли содержит ряд точных биографических характеристик реставраторов послереволюционного времени. Однако на вопросах методологии реставрационных работ в Ленинграде в 1920–1930-е гг. зарубежные авторы не останавливаются.

В отечественной историографии наиболее полное исследование петроградского центра реставрационного дела, специалисты которого

основную задачу реставрации видели в «сохранении памятников путем приостановления разрушений», а не «в более глубоком вторжении в реставрируемый объект с целью возвращения ему художественных и эстетических качеств», произвел В.М. Рославский [17, с. 339]. Он подчеркнул преемственность теоретических установок и практических мер, характерных для реставрационного дела в Петрограде-Ленинграде 1920-х гг., с дореволюционными традициями реставрации, и с сожалением отметил, что о деятельности петроградских реставраторов «мало что известно современному поколению специалистов не только России, но и Санкт-Петербурга», которые за точку отсчета в истории реставрационной школы принимают послевоенный период [17, с. 9]. Действительно, в издании 2018 г., подготовленном Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников к «юбилею государственных органов охраны памятников», говорится, что шанс поставить дело реставрации «на принципиально новый, подлинно научный уровень» появился в период революции, но научная школа реставрации в Ленинграде сложилась лишь в послевоенные годы в связи с появлением «нового поколения хранителей наследия, в чьей политической лояльности власть уже могла не сомневаться» [18, с. 4, 7]. Таким образом, официальный нарратив отражает представление о двух изолированных друг от друга поколениях архитекторов-реставраторов – дореволюционном и советском послевоенном. Между тем, тонкий профессионал, французская исследовательница Е. Берар отмечает «явное присутствие в Ленинграде, вплоть до послевоенного периода, знаний, менталитета и поведенческих характеристик, уходящих корнями в петербургское прошлое», непрерывность традиции [11, с. 16]. На наш взгляд, в области архитектурной реставрации кадровая преемственность и преемственность на общетеоретическом и методологическом уровнях также прослеживаются с дореволюционного до послевоенного периодов.

### *Школа Академии художеств*

Центром подготовки квалифицированных кадров для реставрационного дела в начале XX века в Петрограде выступало Архитектурное отделение Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств. Наряду с техническими и творческими дисциплинами студенты Архитектурного отделения приобретали глубокие знания по истории архитектуры. «Постановке преподавания исторических дисциплин в архитектурной школе Академии художеств неизменно уделялось большое внимание, а к преподаванию привлекались крупнейшие специалисты в этой области» [19, с. 41]. Речь идет о целой группе зодчих, сторонниках широко распространенного в России того времени национально-романтического направления в архитектуре (так называемого «наци-

онального стиля»), стремившихся в собственной строительной практике учитывать и творчески развивать приемы и мотивы древнерусского зодчества, а в процессе преподавания пробуждать к этому наследию интерес студентов. Занятые реставрационным делом, участвовавшие в натурных обследованиях и архитектурно-археологических обмерах памятников русского средневекового зодчества эти профессора Академии художеств размышляли «о происхождении тех или иных архитектурных форм, о взаимном влиянии различных региональных школ зодчества Древней Руси» [16, с. 175], анализировали и обобщали получаемые сведения и убеждались в самостоятельности, самобытности русской национальной архитектуры. Особое место в их ряду отводится В.В. Суслову (1857-1921), которого принято называть «основоположником современного (аналитического) метода научной реставрации» [20, с. 109]. Принципиально важную роль в развитии идеи реставрации петербургских памятников играли ровесники В.В. Суслова, профессора Высшего художественного училища Г.И. Котов (1859-1942) и М.Т. Преображенский (1854-1930).

Г.И. Котов еще в 1895 г., выступая на Втором съезде русских зодчих в Москве с докладом «О развитии русской архитектуры в XVIII веке», провозгласил необходимость сохранения и изучения имеющих художественное или историческое значение памятников русской архитектуры XVIII и XIX вв. [21, с. 127, 135, 136]. Приверженец «национального стиля», он полагал, что залогом «для правильного прогрессивного развития русской самобытной архитектуры» служило «образование русских архитекторов XVIII века на началах западно-европейских». Г.И. Котов не был склонен негативно оценивать влияние западноевропейского зодчества на развитие русской архитектуры, не преуменьшал значение иностранных специалистов для российского архитектурного процесса XVIII столетия и не превозносил отечественную архитектурную традицию того времени. Он подчеркивал, что с эпохи Петра I «для русской архитектуры начинается новый период развития на основаниях, общих с Западной Европой», царь, отправляя мастеров для обучения в Европу, стремился, «чтобы у нас были русские архитекторы, чтобы дело преподавания архитектуры скорее взяли в руки русские люди». «Естественным последствием начинаний Петра» Г.И. Котов называл основание Академии художеств. Ее представители (Кокоринов, Баженов, Воронихин), по мысли зодчего, уже находились на одном уровне «с лучшими европейскими архитекторами своего времени», и русское зодчество, изменившись под влиянием западноевропейского, не утратило самостоятельности, продолжало «носить на себе печать известного чувства собственного достоинства и известной свободы». Испытывая уважение к мастерам русской архитектурной школы XVIII в., Г.И. Котов рассматривал ее как равную европейским:

«Мы не отставали от Европы, и лучшие наши предшественники чувствовали те особенности, те новые течения, которые определялись в архитектуре западно-европейской» [21, с. 125–127]. Во многом благодаря Г.И. Котову в 1900-е гг. «русский классицизм конца XVIII – начала XIX века был осмыслен [...] как национальный стиль» [22, с. 252]. Свое понимание истории русского зодчества Г.И. Котов имел возможность доводить до студентов на занятиях по графическому изучению памятников, которые сопровождалась «“беседами” с учениками на исторические темы» и «с успехом заменяли лекции по истории архитектуры» [23, с. 296].

М.Т. Преображенский, много проектировавший в «национальном стиле», получил известность в конце 1880-х гг., занимаясь обследованием и описанием памятников русской архитектуры в Калужской губернии [24]. В изданный в результате труд он включил как заслуживающих дальнейшего изучения и охраны ряд построек XVIII в. [25]. В 1910-е гг. будучи членом специального Техническо-художественного совещания и определяя масштабы и характер ремонтно-реставрационных работ в Исаакиевском соборе, М.Т. Преображенский с сожалением констатировал: «Наши современные памятники как художественные, так и исторические не обеспечены как следует в своей сохранности даже законом. Только древние, так называемой до Петербургской эпохи, подлежат ведению Археологической Комиссии...» [26, с. 20]. Архитектор полагал, что главное участие в деле охранения и поддержания памятников («как древних, так и новейших») должна принимать Академия художеств, «а равно делать необходимые исследования и солидные издания» [26, с. 27].

Идеи В.В. Сулова, Г.И. Котова, М.Т. Преображенского находили поддержку преподавателей более молодого возраста, имевших к концу 1910-х гг., однако, богатый опыт практической работы в области реставрации, неоднократно выполнявших соответствующие поручения Императорской Археологической Комиссии – П.П. Покрышкина (1870-1922) и К.К. Романова (1882-1942) [27]. Последний с осени 1915 года стал читать вновь введенный в программу Высшего художественного училища курс лекций по истории русского искусства [28, л. 243–243 об.], а много позже подчеркивал важность изучения «самобытности древнерусских форм» специалистами, имеющими «строительные технические знания». К.К. Романов дает таким специалистам наименование «исследователи-архитекторы» [29, с. 57]. Следует особо подчеркнуть, что само положение архитекторов (от В.В. Сулова до К.К. Романова) на преподавательских позициях в Высшем художественном училище обуславливало передачу ими своих профессиональных воззрений студенчеству.

Таким образом, в первые десятилетия XX века в Академии художеств шел процесс формирования особого типа архитекторов-реставраторов – стремившихся к сохранению и всестороннему из-

учению памятника зодчества и его истории как в натуре, так и посредством документов; идеологически «нагруженных», приверженцев «национального стиля», под которым понимался и русский классицизм; носителей идеи самостоятельности и самодостаточности, яркости русской национальной архитектуры. Этим подготовленным на излете 1910-х гг. в стенах Высшего художественного училища архитекторам-исследователям в первые десятилетия советской власти была предначертана совместная с бывшими академическими наставниками (чье профессиональное влияние продолжалось) работа в области практической архитектурной реставрации в Ленинграде. Из целой плеяды состоявшихся в довоенный период ленинградских архитекторов-реставраторов продолжили свою деятельность на профессиональном поприще в деблокированном городе лишь двое.

Еще в 1942 г. известный художник, искусствовед, организатор реставрационного дела в Москве И.Э. Грабарь, получив приказ Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР об образовании Комиссии по учету и охране памятников искусства под своим председательством, в письмах разным адресатам сокрушался: «Комиссия составлена из “генералов”, а действительных специалистов и энтузиастов <...> десятка нет, и как раз наиболее работоспособных и относительно молодых» [30, с. 30]. И.Э. Грабарь восклицал: «Подумайте только: нет Рыльского, [Бондаренко], Барановского, Удаленкова, Засыпкина, Маркина, Максимова, Данилова, Никитина и ряда других. А включены люди, никогда никакого отношения к реставрации не имевшие» [30, с. 31, 231]<sup>4</sup>. Из перечисленных архитекторов, оставшихся в живых после войны, Ленинград представляло двое<sup>5</sup> – Александр Петрович Удаленков (1887-1975) и Николай Петрович Никитин (1884-1971).

#### *Архитекторы-исследователи после революции*

Судьбы А.П. Удаленкова и Н.П. Никитина оказались тесно переплетены. Оба – выпускники Высшего художественного училища 1917 г., за лучшие дипломные проекты на тему «Военно-исторический музей» удостоенные права поездки за границу для усовершенствования за счет Академии художеств и не имевшие возможности воспользоваться им в годы революции [32, л. 2]<sup>6</sup>. На протяжении довоенной эпохи они близкие товарищи, поддерживавшие дружеские связи, сохранявшие весьма доверительные отношения (Н.П. Никитин – крестный отец старшей дочери А.П. Удаленкова Ирины [34, л. 28]). И в 1920-е, и в 1930-е гг. они старались помогать друг другу и как коллеги в разнообразных учреждениях, где их профессионализм был востребован. Занятые практическими вопросами охраны памятников, преподавательской работой в вузах архитекторы разделяли схожие установки и представления о методике и целях реставрации.

Уроженец Тверской губернии, выходец из крестьянской семьи, А.П. Удаленков оказался в Петербурге еще ребенком, будучи «определен в 1899 г. рабочим печатного дела в Экспедицию заготовления государственных бумаг» [35, л. 23]. В 1908 г. поступил в Художественное училище Одесского Общества изящных искусств. Неприязненно относившийся к А.П. Удаленкову в 1920-е гг. из-за разногласий по вопросу реставрации в Самарканде художник В.М. Мидлер, выпускник училища 1913 г., в своих несколько сбивчивых мемуарах утверждал, что А.П. Удаленков в Одессе был членом Союза русского народа [36]. Возможно, речь идет о существовавших в училище политических кружках, в том числе и кружке Союза русского народа [37]. Хотя монархические симпатии А.П. Удаленков публично не проявлял никогда, его идейно-политические позиции, по-видимому, можно в целом оценить как близкие правоконсервативным. В идеологически схожей среде Архитектурного отделения Академии художеств А.П. Удаленков оказался в 1912 г., приехав в столицу после блестящего окончания Одесского училища (премирован как «наиболее талантливый ученик» [39, с. 61]). Занимаясь в Петербурге в архитектурной мастерской Л.Н. Бенуа, А.П. Удаленков одновременно участвовал в археологических экспедициях, «выполняя отдельные поручения по научной охране и реставрации историко-архитектурных зданий». Профессиональное влияние на Удаленкова-реставратора оказали Н.Я. Марр, занятый изучением средневекового Востока, и П.П. Покрышкин, специализировавшийся на памятниках русской архитектуры. Как указывал И.А. Орбели, уже первые опыты молодого ученого в деле реставрации показали, что «Удаленков может рассматриваться и как надежный руководитель ответственных реставрационных работ» [35, л. 23, 32–32 об.; 40]. «Делом изучения, научной охраны и реставрации историко-архитектурных сооружений в Северо-Западной, а в дальнейшем в Ленинградской области» А.П. Удаленков, по его собственному признанию, руководил все 1920-е гг. [35, л. 23 об.] Еще с 1918 г. архитектор стал первым заведующим [41, л. 7; 42, л. 24]<sup>8</sup> Археологическим отделом Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомате просвещения, с 1922 г. переименованным в Комитет по охране и ремонту монументальных памятников.

В своеобразном публичном отчете о работе Комитета в журнале «Музей» А.П. Удаленков охарактеризовал ключевые принципы и методологические основы реставрационного дела Ленинграда. Архитектор писал: «Памятники зодчества не должны быть реставрируемы на основании только архивных данных, а лишь в тех случаях, когда уцелевшие остатки или следы допускают возможность точного установления утраченных частей. В случаях конструктивной необходимости допускается дополнение архитектурных частей памятника по аналогии с сохранившимися частями с точной

регистрацией дополненных частей в документах... <...> Восстановление частей памятника или укрепление разрушающихся частей должно быть производимо из материалов по возможности однородных с материалами, из которых построен памятник, и исполняемо способами близкими по технике, примененной в памятнике». В деле архитектурной реставрации А.П. Удаленков допускал принцип восстановления «первоначального художественного облика» памятника, оставляя, однако, при производстве необходимых для этого работ незыблемыми «все те наросты времени, которые уже органически слились с памятником» [43, с. 7, 8]. По большому счету прописанные А.П. Удаленковым установки лежали в основе и ленинградской послевоенной реставрационной практики. Однако степень сохранности памятников архитектуры и объемы бюджетного финансирования в послереволюционный период и послевоенное время были все же весьма различны [6, с. 37]. И тем не менее, в 1920-е гг. Реставрационной мастерской Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса под руководством А.П. Удаленкова удалось осуществить целый комплекс ремонтно-реставрационных мер в отношении ряда городских сооружений – Зимнего, Мраморного, Михайловского, Юсуповского, Строгановского, Шереметевского, Екатерингофского дворцов, а также дворцов и павильонов пригородов [43, с. 12; 9, с. 620–627]<sup>9</sup>. Хотя сам архитектор как реставратор работал, главным образом, в Старой Ладогге (по церкви Св. Георгия) и Новгороде, И.Э. Грабарь справедливо замечал: «Почти все памятники классицизма в Ленинграде реставрировались под непосредственным руководством А.П. Удаленкова» [35, л. 31].

На протяжении многих лет в учреждениях, возглавлявшихся А.П. Удаленковым, трудился Н.П. Никитин. Выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, ученик М.Т. Преображенского в Высшем художественном училище, Н.П. Никитин в 1919 году стоял во главе Архитектурной секции Археологического отдела, концентрируясь на работе с древними памятниками Пскова, а в 1920-е гг. был старшим экспертом Реставрационной мастерской Ленинградского отделения Главнауки [45, л. 3 об., 4 об.]. Архитектор производил работы по реставрации фасадов здания Главного штаба, колокольни Никольского Морского собора, Ростральных колонн [46, л. 8; 47, л. 11; 48, л. 6–17]. В то же время будучи хранителем Елагиноостровского дворца-музея (1923–1926) и Исаакиевского собора (1926–1931) Н.П. Никитин вынужден был заниматься широким спектром ремонтно-реставрационных работ (в том числе по укреплению оснований колонн портиков собора [49, с. 193–231]), обращаясь к изучению неопубликованных историко-архивных документов. Архитектор стремился досконально исследовать реставрируемые памятники, выявить технические подробности их возведения. Этот научный подход

к реставрации, свойственный Н.П. Никитину, особо отмечали его коллеги. Г.И. Котов указывал, что профессиональная деятельность Н.П. Никитина «имела и научно-исследовательский характер», К.К. Романов называл архитектора «весьма осторожным и внимательным исследователем» [45, л. 55; 50, л. 4].

В 1930-е гг. Н.П. Никитин, занимавший должность старшего архитектора Управления дворцов и парков Ленсовета, курировал реставрационные работы в дворцово-парковых ансамблях пригородов. Так, в 1938 г. он выступил экспертом в принятом дирекцией Павловского дворца-музея деле восстановления утраченной части знаменитых фресок Гонзаго анилиновыми красками по сухой штукатурке. Н.П. Никитин поставил под сомнение возможность подобной реконструкции: «Картины мировых художников нигде не дописывались, утерянная часть закрашивалась ровным тоном и так оставалась». В случае же признания восстановления целесообразным архитектор указывал на необходимость использования аутентичных материалов и методов: «Если писалась методом «фреско», то и дописывать следует этим же методом. <...> Будет неудобно, если живопись будет произведена не тем способом, каким писал Гонзаго» [51, л. 91–91 об.]. Н.П. Никитин составил специальную инструкцию по охране подлинных фресок, в которой прописал обязательность фотофиксации всех изображений и сохранения всех отпавших частей штукатурки [52, л. 25]. Отстаиваемые архитектором научные основания дела охраны памятников оставались актуальны и в послевоенное время.

К началу войны и Н.П. Никитин, и А.П. Удаленков входили в состав Ученого совета при Отделе охраны памятников Лениблисполкома, принимали участие в маскировке городских памятников и вместе работали в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ)<sup>10</sup>, сохранился восторженный отзыв А.П. Удаленкова о лекциях Н.П. Никитина от апреля 1941 г. [53, л. 15–18; 54, л. 2; 5, с. 13]. Однако вместе с профессорско-преподавательским составом вуза в начале 1942 г. ни один из них из Ленинграда не эвакуировался.

Н.П. Никитин 7 апреля 1942 г. получил в ЛИИЖТе командировочное удостоверение «на спецстройку Центрального Военно-Восстановительного Управления в районы гор. Новосибирска» [45, л. 40]. По воспоминаниям профессора ЛИИЖТа Д.И. Каргина, преподаватели вуза, помимо командировочных документов, «параллельно <...> были оформлены как эвакуировавшиеся и имели на руках соответствующие эвакуационные документы» [55, с. 151]. Н.П. Никитин в Новосибирск не поехал, 8 апреля перестал числиться доцентом института и был эвакуирован в Ессентуки [46, л. 4; 54, л. 27]. Обстоятельства его эвакуации в Ставропольский край не прояснены. Еще в середине 1930-х гг. архитектор реконструировал санаторий

«Крепость» в Кисловодске, кроме того, его однокашник по Академии художеств П.П. Еськов жил в Кисловодске с 1920-х гг. и много работал как архитектор по обустройству курортов края [56, л. 4а; 57, л. 50 об.]. Возможно, эти связи оказали влияние на приезд Н.П. Никитина в Ессентуки. Там он пережил немецкую оккупацию (с августа 1942 по январь 1943 гг.), затем служил в Ессентукском Курортном Управлении, а уже с лета 1943 г. пытался найти возможность реэвакуироваться, обращался с просьбами о вызове к классику советской архитектуры А.В. Щусеву, предполагавшему, что для Н.П. Никитина «найдется работа по паспортизации разрушенных городов» или место преподавателя в Московском художественно-промышленном училище [58, л. 1, 2 об., 3], и к А.П. Удаленкову.

А.П. Удаленков вместе с женой и двумя дочерьми оставался в Ленинграде и столкнулся со всеми ужасами блокадного времени. По воспоминаниям младшей дочери архитектора, в их квартире на Лесном проспекте, 61 [59] они «жили в основном на кухне, топя печку-буржуйку книгами и мебелью» [60]. А.П. Удаленков оказался свидетелем мародерства, краж продовольственных карточек подростками и более опытными уголовниками у зазевавшихся владельцев. Д.И. Каргин свидетельствовал: «Профессор Удаленков, находясь в очереди, выследил подозрительного мальчишку; пытался безуспешно передать его милиции и попутно обнаружил осторожные действия его руководителя, который умело вовремя исчез» [55, с. 51]. Лишившемуся в результате кражи карточек Д.И. Каргину архитектор предоставил часть собственного скудного пайка [55, с. 55]. Все время блокады А.П. Удаленков провел в Ленинграде (воспоминания дочери опровергают официальные документы об эвакуации семьи весной 1943 г. [61, л. 26 об.]) и не переставал работать. В 1943 г. он вошел в состав городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и по учету причиненного ими ущерба, возглавлял творческую мастерскую при Управлении по делам архитектуры, занятую архитектурными обмерами, подготовкой научно-художественных и технических материалов «для предстоящего восстановления пострадавших <...> памятников» [62, л. 9 об.; 63, с. 127; 6, с. 67].

#### *Востребованность в деблокированном Ленинграде: вопросы теории и методики реставрации*

В марте 1944 г. в качестве фактически патриарха архитектурной реставрации в городе А.П. Удаленков (по решению Н.Н. Белехова) открыл своим обстоятельным докладом научно-техническую конференцию по вопросу реставрации пригородных дворцов. Выступление носило программный характер. А.П. Удаленков сформулировал основные принципы и методики проведения реставрационной работы, горячо отстаивая ее необходи-

мость. Он говорил: «Я полагаю, что мы обязаны по мере сил сохранить то, что осталось, напрячь всю нашу энергию, напрячь наш мозг для того, чтобы изыскать подлинную документацию для восстановления всего того, что утеряно. <...> Дворцы перепланировкой не должны быть изменены. Фасадная часть должна быть восстановлена так, как это полагается. Полы нужно сделать в тех местах, где они были, воссоздавая тем самым все залы, которые были. <...> Нужно, чтобы не было домыслов. А какие мы имеем материалы для реставрации? <...> Исчерпывающий документальный материал и техника. <...> И это будет не подделка, а реставрация, откровенная, произведенная на основе неопровержимых документов. <...> Мы будем сохранять все, не нарушая ничего» [38, с. 111, 112, 142–143]. А.П. Удаленков объяснил, почему на его взгляд бывшие императорские резиденции нуждаются в восстановлении, выразил свое отношение к их архитектуре как важнейшему этапу русского национального зодчества. Он подчеркнул, что русская культура – «самая молодая из европейских народов», ее взлеты выражены через «три группы европейских памятников»: древнерусские, московской архитектуры XV–XVI вв., а «третьим этапом развития русской государственности, отраженным в памятниках, являются дворцы-музеи» [38, с. 111]. Их сохранение поэтому необходимо для дальнейшего развития русской культуры. Таким образом в докладе А.П. Удаленкова нашел отражение еще дореволюционный дискурс школы Академии художеств 1900–1910-х гг., взгляды Г.И. Котова и других мастеров уже ушедшего поколения получили свое развитие.

Сам А.П. Удаленков в тот период ясно ощущал себя носителем «прежнего» знания. 1 мая 1944 г. он передал это ощущение в письме к Н.П. Никитину. Очень личное, послание показывает не простую усталость, объяснимую условиями блокады, но настоящую внутреннюю надломленность А.П. Удаленкова, его одиночество и в то же время искреннюю привязанность к другу, готовность хлопотать о его возвращении в Ленинград. Вопрос о вызове Н.П. Никитина был поставлен А.П. Удаленковым «по докладу об Исаакиев[ском] соборе» [34, л. 27]. Это случилось еще в декабре 1943 г., когда А.П. Удаленков, раздосадованный неудовлетворительным состоянием температурно-влажностного режима в здании, стал настаивать на вызове Н.П. Никитина «как специалиста по конструкции собора» [64, с. 138]. Однако пришлось «несколько раз по этому вопросу говорить» с Н.Н. Белеховым: «Н.Н. Бел. не особенно этого желал» [34, л. 27]. А.П. Удаленков же считал возвращение Н.П. Никитина критически важным. В письме к нему он особо отметил и масштаб будущих реставрационных работ, и охватывающую его самого апатию, в связи с которой роль товарища в деле реставрации представлялась ему определяющей: «Работа в Ленинграде предстоит огромная: восстановление загородных дворцов и историче-

ских зданий самого Ленинграда; что же касается меня, то я устал, работаю по инерции, временами зажигаюсь и быстро остываю. Меня тянет на юг к теплу – на солнце; я хочу уехать и позабыть, что существует на свете великолепный Ленинград с его чудесной сказочной архитектурой, позабыть все, что связывало меня в течение 52 лет с этим городом. <...> Мне пришла в голову мысль стать директором Алупкинского дворца-музея и скоротать там остаток своей жизни. <...> Если я не разрешу этот вопрос в ближайшие год-два, то я превращусь в стопроцентного инвалида без надежды на какое-либо выздоровление. Из этого письма, дорогой Николай Петрович, Вы видите, что со мной не совсем благополучно, а состояние это прогрессирует, так что надо мне принимать меры вовремя. Таким образом, в Ленинграде Вы остаетесь единственным специалистом и знающим дело человеком в области реставрации исторических зданий (курсив наш – О.Л.)» [34, л. 27 об.–28 об.].

Ощущение профессиональной исключительности, особой компетентности в силу принадлежности кругу еще дореволюционных специалистов, вероятно, было свойственно А.П. Удаленкову и в 1920-е, и в 1930-е гг., однако открыто высказывать сожаление об исчезновении прежней архитектурной среды он начал с весны 1944 г., когда несомненными стали будущее победное завершение Великой Отечественной войны и явные перемены в государственной идеологии – «обозначившийся победный конец войны сформировал подходы, которые будут превалировать после войны», доминирующими оказались «идеологические, мобилизационные задачи национального строительства <...>, началось целенаправленное и системное внедрение агрессивного национализма» [65, с. 16, 22]. В определенной мере эти явления совпадали с установками А.П. Удаленкова. В начале июня 1944 г., приветствуя открытие выставки исполненных Ю.П. Спегальским рисунков, ценных для проведения последующей архитектурной реставрации древних памятников Пскова, А.П. Удаленков сокрушался: «Наши ведущие крупные архитекторы не дают правдивого образа воссоздания разрушенных русских городов. Забыты традиции и старой Академии, которая готовила мастеров, глубоко понимающих дух русского зодчества и создававших произведения глубоко национальные, утверждающие школу русской архитектуры» [66, с. 38]. Мысль о возобновлении традиций академической школы 1900–1910-х гг. занимала архитектора все более. В лице резвакуированного вскоре Н.П. Никитина А.П. Удаленков обрел единомышленника.

С 18 сентября 1944 г. Н.П. Никитин занял должность руководителя специально созданной для проведения обмеров и подготовки к реставрации городских памятников архитектурной мастерской № 2 ГИОП [45, л. 46; 67, л. 1 об.]. Мастерскую № 1 возглавлял А.П. Удаленков [62, л. 1 об.; 3, с. 242].

Оба пользовались благосклонным отношением Н.Н. Белехова, который ценил опытность и профессионализм старших коллег. На поздравительном адресе от ГИОП Н.Н. Белехову в ознаменование 20-летия его трудовой деятельности в ноябре 1944 г. подписи А.Д. Удаленкова и Н.П. Никитина были поставлены первыми [8, с. 22].

На протяжении следующего 1945 г. архитекторы занимались не только практическим восстановлением поврежденных ленинградских памятников, но и участвовали в разработке теоретических основ методики реставрации. Так, оба дали развернутые комментарии к разработанной сотрудником ГИОП А.Н. Петровым «Программе научно-исследовательских и проектных работ по реставрации художественных и исторических памятников». Н.П. Никитин, «всемерно приветствуя» программу, подчеркивал важность дополнения ее научным освещением такого «решающего судьбу памятника» этапа как консервация. Настроенный более критично А.П. Удаленков указал на отсутствие в программе А.Н. Петрова ответов на принципиальные вопросы реставрационного дела, дискуссии по которым разворачивались еще в 1920-е гг.: «Допустимо ли проводить исследование памятника посредством постановки на памятнике зондажей и частичных его вскрытий, и, если допустимо, то в какой мере. <...> Допустимо ли изменение конструкций памятника при условии сохранения авторских (первоначальных) архитектурных форм памятника, закрывающих эти конструкции. Допустимо ли введение новых строительных материалов при реставрации, хорошо имитирующих заменяемый материал, при условии технической безболезненности для памятника при введении этих новых материалов. <...> Допустимо ли в научно-реставрационном деле пользоваться аналогиями родственных памятников или памятников, принадлежащих одному и тому же автору и т.д.» [68, л. 1, 4, 6, 6 об.]. Этих и других вопросов методологии реставрации сами архитекторы публично коснулись в ходе лекций, организованных в ГИОП для молодых реставраторов в декабре 1945 г.

6 и 13 декабря состоялась лекция А.П. Удаленкова «Об изучении памятников и о подготовке памятников к реставрации». В начале первой из них архитектор подробно остановился на вопросах реставрации произведений живописи и скульптуры. Скептически относясь к практике расчистки памятников иконописи до «первоначального слоя» и констатируя, что «среди реставраторов встречаются люди чрезмерно любознательные», он призвал коллег для принятия решения о необходимости послышной расчистки делать микроскопический зондаж или использовать рентген. А.П. Удаленков озвучивал принципы петроградских реставраторов 1920-х гг.: «В последнее время было решено поменьше раскрывать, раскрывать только в случае необходимости для укрепления, для выявления каких-нибудь научных изысканий, а не просто с целью какого-то кладоискательства.

Вот, мол, я сделал открытие! Но ведь это же не какое-то великое открытие. А люди на это очень падки, – с этим надо бороться» [69, л. 3, 5 об.–6]. Он в подробностях рассказывал о способах укрепления красочного слоя икон и фресок, о промысливании их, а также на ряде примеров скульптурных памятников Ленинграда (скульптуры Адмиралтейства, Горного института, Ростральных колонн), реставрировавшихся под его руководством в 1920-е гг., говорил о необходимости ликвидации внутренних пустот и трещин для борьбы с конденсатом.

Большую часть выступления А.П. Удаленков посвятил алгоритму изучения реставрируемых памятников архитектуры. Начинать изучение необходимо с археологического или архитектурного описания памятника. По словам архитектора, описание «должно быть научное, <...> развитое, детальное, доходящее до мелочей». Памятники средневековья требуют археологического описания – «надо точно определить и отразить все <...> бывшие разрушения <...> и все наслоения» [69, л. 8]. Архитектурное описание, направленное на фиксацию «особенностей декоративного порядка», достаточно для памятников XVIII-XIX вв., поскольку их конструкции и использовавшиеся при строительстве материалы хорошо известны [69, л. 9 об.–10]. Архитектор предостерегал от излишнего доверия к иконографии реставрируемого памятника, считая, что «нужно исходить из природы», все данные письменных источников «проверить в натуре». Резко негативно А.П. Удаленков отзывался о практике проведении реставрационных работ по аналогии с другими памятниками, на основании данных искусствоведения, когда для подтверждения догадок ученых широко применяют зондаж, убирают «позднейшие наслоения» и пристройки: «[Искусствоведы] по аналогии делают выводы <...> Они начинают ковырять, ведут раскопки <...>, и в результате все исковырено, а гипотеза не решена. <...> Это вреднейшая система искусствоведов, это разрушители, мы им должны объявить самую настоящую войну. <...> Чем отличается архитектор от искусствоведа? А тем, что он обладает познаниями, которые дают ему возможность тончайшим образом исследовать памятник архитектуры» [69, л. 11, 11 об., 12 об.]. Ключевым методом исследования А.П. Удаленков называет археологические и архитектурные обмеры. О них шла речь во второй лекции зодчего.

В ее начале А.П. Удаленков не без гордости объявил, что теперь в Ленинграде и Москве «эта область работы поставлена неплохо», и назвал условия, которые нужно соблюдать при обмерах. Так, он подчеркнул важность точного выполнения обмеров кривых – «необходимо основные точки проверить два раза», обратил внимание на способы закрепления отвесов. Помимо данных обмеров, достоверных архивных документов и иконографии, для осуществления реставрации, по мнению архитектора, следует также изучить, из каких материалов сложено здание, чтобы учесть коэффици-

енты теплового расширения их. Отдельно остановился А.П. Удаленков на вопросе о соотношении понятий реставрация и реконструкция, а также на проблеме использования новых материалов при реставрационных работах. Архитектор отрицал возможность реставрации живописных полотен, от которых остались лишь фрагменты: «Потому, что все то, что будет написано, будет наше творчество, это не есть реставрация. Это есть домысел. В архитектуре я назвал бы это реконструкцией». Он подчеркивал разницу между реставрацией и воспроизведением утраченных скульптурных памятников, указывая на недопустимость подмены первоначального материала при воспроизведении садово-парковой скульптуры («если был гранит, то и должен остаться гранит») и допуская – для монументально-декоративной. Проблему реконструкции первоначальных форм в процессе реставрации архитектурных памятников А.П. Удаленков раскрыл на примере удачных работ своих старших коллег – В.В. Суслова по Новгородской Софии и П.П. Покрышкина, в продолжение 20 лет возвращавшегося к работам по церкви Спаса-Нередицы и подвергавшегося острой критике. И хотя «все показало, что реставрация была проведена правильно», А.П. Удаленков говорил о сомнениях, посещавших реставратора: «Я был помощником Покрышкина и помню его личные переживания» [70, л. 3 об., 4, 5, 6, 7, 9 об.]. Живой свидетель процесса выработки методики реставрации до революции, А.П. Удаленков передавал этот опыт как ценный и значимый поколению послевоенных мастеров. Рассказывая о собственной реставрационной практике, архитектор вспоминал работы 1920-х гг. по церкви Св. Георгия в Старой Ладогге, когда «все переделки, которые производились на стенах собора со времени его основания, были выявлены» [70, л. 10 об.] и сохранены. «Этот принцип реставрации и был принят: не уничтожать историю, а ее выявлять», – сообщал слушателям кредо петроградских реставраторов А.П. Удаленков, фактически воспроизводя положения своей же статьи в журнале «Музей» 1924 г.

Н.П. Никитин также прочел две лекции, сохранилась стенограмма первой от 20 декабря – «Организация реставрационных работ памятников архитектуры» [53, л. 20–44]. Н.П. Никитин представил слушателям разработанную им схему проведения реставрации, выделив необходимые стадии работы. Первая из них – консервация памятника и наблюдение за его техническим состоянием. Говоря о консервации, архитектор подчеркивал необходимость «предохранить здание от влаги» и от разрушений, которые могут «произойти вследствие действия внутренних сил здания». Особое внимание Н.П. Никитин уделил вопросу сохранности и укрепления сводов, вспомнив опыт совместной работы с А.П. Удаленковым в качестве экспертов в Ученом совете по отделу охраны памятников летом 1940 года, когда неверный расчет сводов архитектором Новгородского музея привел к об-

рушению церкви Петра и Павла. В этой связи Н.П. Никитин констатировал дефицит специалистов и утрату прежних знаний: «Когда приходится иметь дело с древней архитектурой, то расчеты сводов и вообще систему кладки нужно знать. В последнее время студенты как будто не занимаются этим, потому что в жизни этого не требуется. Если нужно сделать кирпичные своды, то это только маленькие своды по балочкам, а купольные или парусные своды теперь не делают. Но, во всяком случае, даже бывают катастрофы с памятниками. Мы их губим вследствие отсутствия умения справиться со сводами». Архитектор призывал максимально бережно проводить консервацию, продумав и предварительно рассчитав все действия: «Вообще надо делать так, чтобы было как можно меньше строительных работ и, по возможности, *сохранить объект таким, каков он в действительности*. Нужно сделать обмер здания. В чертежах надо показать части здания по времени их постройки. Мы не знаем действующих сил здания. Может быть, часть памятника мы в одном месте укрепим, а другая часть будет разрушаться. *Надо встать на чисто научную почву*» (курсив наш – О.Л.) [53, л. 28, 29, 30].

Вторая стадия реставрационных работ, по Н.П. Никитину, – изучение памятника по архивным, иконографическим, устным (на месте) источникам и в натуре. Архитектор допускал «частичные вскрытия памятника для его изучения», «снятие местами штукатурки, облицовки», но деликатно – «там, где можно, проникаете в памятник, стараясь не ломать стены, не заниматься “кладоискательством”» [53, л. 32]. Утверждая бережное отношение к подлинному во всей своей целостности памятнику, Н.П. Никитин почти дословно повторял А.П. Удаленкова.

Н.П. Никитин обращал особое внимание слушателей на проблему устойчивости сооружений. Он говорил: «Всякое разрушение это есть результат какого-то процесса, который совершается в субструкции, то есть в части здания, которая находится в земле». Много лет занимавшийся проблемой неравномерной осадки Исаакиевского собора архитектор в лекции подчеркнул необходимость подробного изучения фундаментов реставрируемых памятников: «Мало того, что надо знать, какова конструкция основ, свай, надо знать длину этих свай и их работу. Наконец, надо знать геологический разрез почвы. <...> Прежде всего, надо определить грунтовые воды» [53, л. 34, 36]. Рассчитав нагрузки, выяснив при помощи инструментальной съемки характер осадочного движения здания, архитектор-реставратор, по мысли Н.П. Никитина, должен переходить к следующим стадиям работы – сводке и обработке всех материалов и исследований и составлению проекта и плана реставрационных работ. Пятой стадией являются сами реставрационные работы. Финальный этап – составление научных и популярных изданий о прошедшей реставрации. Представляя эту четкую схему, Н.П. Никитин констатировал важность под-

готовки кадров для проведения комплексных реставрационных работ на научной основе.

Вопрос о научной реставрации поднимался архитектором в ГИОП неоднократно. Так, в феврале 1946 года Н.П. Никитин выступил с критикой предложенной в лекциях художником Н.В. Перцевым методики реставрации декоративной живописи. Архитектор посчитал опасными высказанные Н.В. Перцевым идеи использовать мыло при промывке масляных живописных изображений. Несмотря на возражения художника, что «нужно говорить не о вредном действии мыла, а о квалификации мастера-реставратора», Н.П. Никитин настаивал, что все равно стоит разработать «так называемые технологические условия»: «Нужно мыло – пожалуйста, но в каком составе. Пусть будет точно указано...» [71, с. 293, 295]. Комментируя предложение Н.В. Перцева для расчистки клеевых росписей использовать белый хлеб, архитектор замечал, что в структуре живописи «могут остаться микроорганизмы». Н.П. Никитин выступал за междисциплинарный подход в реставрационной практике и обращал внимание более молодых коллег (Н.В. Перцев без малого на двадцать лет его младше) на важность выработки методики научной реставрации. Он призывал к осторожности и изучению теоретических вопросов реставрации: «И если холст старый, то в трещинках его может остаться хлеб. Биологи со мною согласились бы, но ни Вы, ни я – не биологи. И это наше несчастье! И мы не химики. Это тоже нехорошо! А тут возникает вопрос чисто технологический. <...> И я считаю, что художники должны включить в объект своих работ научную сторону, а именно – археологическую технологию и лабораторные исследования, которые связаны с

химией» [71, с. 279, 294]. Н.Н. Белехов согласился с замечаниями архитектора: «Николай Петрович Никитин затронул сегодня целую область реставрационных работ – это то, чем слабы в настоящее время реставрационные работы в России. <...> Это, конечно, наш большой вопрос. У нас нет научно обосновывающих реставраторов» [71, с. 280]. Шагом на пути преодоления этой ситуации Н.Н. Белехову виделись состоявшиеся лекции в ГИОП.

Таким образом, к моменту окончания войны опыт А.П. Удаленкова и Н.П. Никитина как архитекторов-реставраторов, получивших основательную профессиональную подготовку еще в стенах дореволюционной Академии художеств и совершенствовавших методику реставрационной деятельности на протяжении 1920-х – 1930-х гг., оказался востребован. Однако политический контекст эпохи позднего сталинизма придавал их фигурам некоторую двусмысленность. Возраст (каждому около 60 лет), высокий профессиональный уровень, многолетний стаж работы исключительно в вузах и учреждениях культуры и подчеркнутая беспартийность как будто свидетельствовали о них как о «бывших», уцелевших «специалистах»<sup>11</sup>, а приверженность национальной архитектуре, русский патриотизм «подталкивали» их в идеологическом плане к сближению, особенно в Ленинграде, с внутрипартийными сторонниками руссоцентризма [73]. Но если накануне и во время войны подобное сближение не сулило опасности, то во второй половине 1940-х гг. оно могло оказаться фатальным. Угрозу краха карьеры несла встретившая поддержку Н.Н. Белехова весьма амбициозная инициатива А.П. Удаленкова и Н.П. Никитина.

## Примечания

<sup>1</sup> А.Л. Ротач не склонял свою фамилию. См.: [4, л. 1].

<sup>2</sup> Н.Н. Белехова – наряду с К.Д. Халтуриним и художником-реставратором Н.В. Перцевым (1902-1981) – называет создателем ленинградской школы реставрации современный искусствовед Ю.В. Трубинов. См.: [9, с. 670].

<sup>3</sup> Построения А. Шенле вызывают вопросы относительно применяемой им методологии исследования. Так, при анализе обложки альбома П.А. Шиллинговского исследователь силуэт изображенного художником Исаакиевского собора с характерными фигурами ангелов на балюстрадах, продлевающими вертикали колонн вокруг барабана главного купола, готов охотно принять за собор Санта-Мария дель Фиоре, дабы доказать некую игру П.А. Шиллинговского «с итальянскими претензиями города». Анализируя рисунок М.В. Добужинского «Сфинксы», А. Шенле утверждает, что изображенный в коротких штанишках мальчик с удочкой на Университетской набережной «сосредоточен на рыбной ловле <...> ради пропитания», а само его присутствие на рисунке «говорит о том, что Нева возвращается к своему доиндустриальному природному состоянию». Ценность работы А. Шенле в части анализа петроградских реалий 1920-х гг. снижает избранная им опора на визуальные источники при явном дефиците используемых письменных документов. Так, А. Шенле называет изображенные П.А. Шиллинговским гранитные блоки на Дворцовой набережной «фантазией, которая вряд ли имела какое-то соответствие в реальности», в то время как в действительности это части демонтированной в 1920 г. ограды сада Зимнего дворца.

<sup>4</sup> Из включенных в состав Комиссии архитекторов Ленинград представлял А.С. Никольский, чья профессиональная деятельность с охраной памятников связана не была.

<sup>5</sup> В.В. Данилов (1891-1942), выпускник 1918 г. мастерской Л.Н. Бенуа в Высшем художественном училище, к началу 1940-х гг. член Ученого совета при Отделе охраны памятников Управления по делам искусств при Леноблсполкоме, скончался в период блокады. См.: [31, с. 360].

<sup>6</sup> Подробно начальные этапы службы обоих архитекторов впервые освещены нами: [33]. Характеристику А.П. Удаленкова как архитектора Мраморного дворца дал Ю.В. Трубинов [9, с. 620–627].

<sup>7</sup> Известно его скептическое отношение к идее создания в Александровском дворце бытового музея Николая II: [38, с. 143].

<sup>8</sup> С декабря 1918 г. его временно сменил П.П. Покрышкин.

<sup>9</sup> Относительно Екатерингофского дворца А.П. Удаленков решительно настаивал на восстановлении серьезно пострадавшего от пожаров фасада в первоначальном виде, на «возобновлении постройки»: [44].

<sup>10</sup> Там же работал К.К. Романов.

<sup>11</sup> Следуя концепции И.В. Герасимова, можно назвать их представителями т.н. «новой генерации российской интеллигенции» – интеллигентами-профессионалами 1880-х годов рождения, личностное формирование которых пришлось на период первой русской революции, нацеленными на самореализацию в избранной ими области за счет «эксклюзивного обладания специальными знаниями» и высоких профессиональных качеств. См.: [72].

## Литература и источники

1. Леонтьев А.Г., Кормильцева О.М. Ленинградская школа реставрации. Историческое значение // Вестник «Зодчий. 21 век». 2015. № 2 (55). С. 10–19.
2. Мильчик М.И. От ленинградской школы реставрации к петербургской школе реконструкции // Вестник «Зодчий. 21 век». 2015. № 2 (55). С. 54–63.
3. Памятники архитектуры в Советском Союзе: очерки истории архитектурной реставрации / Под общ. ред. доктора архитектуры А.С. Щенкова. М.: Памятники ист. мысли, 2004. 694 с.
4. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАПИ СПб). Ф. 598. Оп.1. Д. 525.
5. Кедринский А.А., Колотов М.Г., Ометов Б.Н., Раскин А.Г. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1983. 311 с.
6. Охрана памятников Санкт-Петербурга: К 90-летию Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга / Сост. Ю.Ю. Бахарева. СПб.: Профили, 2008. 223 с.
7. Леонтьев А.Г. К истории формирования принципов и методологии Ленинградской реставрационной школы. События, памятники, биографии // Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века: материалы международной научной конференции, 4–5 декабря 2014. СПб.: ИПК «Береста», 2014. С. 105–130.
8. Кормильцева О.М., Леонтьев А.Г., Петрова М.А. «Успеть поработать для вечности...»: Н.Н. Белехов, А.Н. Петров, Е.Н. Петрова (жизнь и творчество). СПб.: Профили, 2009. 199 с.
9. Трубинов Ю.В. Мраморный дворец и Служебный дом. Очерки истории архитектуры зданий и судеб обитателей. СПб.: Нестор-История, 2018. 863 с.
10. Баранов Н.В. Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. Л.: Лениздат, 1982. 175 с.
11. Берар Е. Город и городская культура в XX в. // Санкт-Петербург: окно в Россию. 1900–1935. Город, модернизация, современность: Мат-лы междунар. науч. конф. Париж, 6–8 марта 1997 г. СПб.: Издательство «Феникс», 1997. С. 5–28.
12. Нива Ж. Утопия и катастрофа: Санкт-Петербург в XX веке // Санкт-Петербург: окно в Россию. 1900–1935. Город, модернизация, современность: Мат-лы междунар. науч. конф. Париж, 6–8 марта 1997 г. СПб.: Издательство «Феникс», 1997. С. 183–189.
13. Шенле А. Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 357 с.
14. Maddox S. Saving Stalin's imperial city: historic preservation in Leningrad, 1930 – 1950. Bloomington: Indiana University Press, 2015. XII+284 pp.
15. Kelly C. Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. VII+413 pp.
16. Лисовский В.Г. «Национальный стиль» в архитектуре России. М.: Совпадение, 2000. 414 с.
17. Рославский В.М. Москва – Петроград. Два центра отечественной реставрации. М.: Индрик, 2015. 575 с.
18. Семенов В.А., Воронин В.В., Бахарева Ю.Ю., Филиппченко Г.Ю. Сто страниц из истории охраны памятников Ленинграда – Санкт-Петербурга. СПб.: КГИОП, 2018. 239 с.
19. Лисовский В.Г. Академия художеств и ее архитектурная школа в процессе развития русской архитектуры XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. Л., 1986. 53 с.
20. Славина Т.А. Исследователи русского зодчества: Русская историко-архитектурная наука XVIII – начала XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 192 с.
21. Котов Г.И. О развитии русской архитектуры в XVIII веке // Труды II съезда русских зодчих в Москве. М.: Типо-Литография Ж. Шейбель и Ф. Воост, 1899. С. 122–137.
22. Кириков Б.М. «Русский стиль»: этапы и направления // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. Вып. 6. / Сост. А.В. Корнилова. СПб.: «Белое и Черное», 2002. С. 244–253.
23. Лисовский В.Г. Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов. СПб.: Коло, 2006. 399 с.
24. Павлова А.Л. О деятельности архитектора М.Т. Преображенского (150 лет со дня рождения) // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Сб. ст. Вып. 9: Из истории Императорской Академии художеств / Под ред. И.В. Рязанцева. М.: Памятники ист. мысли, 2005. С. 297–316.
25. Преображенский М.Т. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб.: Академия художеств, 1891. 119 с.
26. Преображенский М.Т. Отчет по командировке собранием Академии Художеств в Междуведомственную комиссию по Исаакиевскому собору для выяснения необходимого ремонта по зданию и исчислению потребных на то средств. СПб.: Тип. СПб. град., 1911. 32 с.
27. Медведева М.В. Деятельность архитектора К.К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН // Археологические вести. 2005. Вып. 12. С. 291–301.
28. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 789. Оп. 33. Д. 40.
29. Романов К.К. Этапы развития русской архитектуры // Архитектура Ленинграда. 1939. № 1 (12). С. 57–66.
30. Грабарь И.Э. Письма, 1941–1960. М.: Наука, 1983. 368 с.
31. Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда: воспоминания, дневники, письма, очерки, литературные записки / Сост. Н. Паперная. Л.: Лениздат, 1969. 391 с.
32. РГИА. Ф. 789. Оп. 24. Д. 22.
33. Любезников О.А. Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М.Т. Преображенский, Н.П. Никитин, А.П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб.: «Издательство “ЛЕМА”», 2017. 68 с.
34. Научный архив Российской Академии художеств (далее – НА РАХ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 53.
35. Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (далее – РО НА ИИМК РАН). Ф. 2. Оп.3. Д. 675.
36. Мидлер В.М. О проваленной миссии вернуть Коровина и Бенуа из эмиграции, уроке профессионализма от Грабаря и специфике еврейского натюрморта [1975] // Отдел устной истории Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. № 517-518. URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-517-518> (дата обращения 01.09.2020).
37. Нюренберг А.М. О пользе художественного таланта, социал-демократах в Одесском художественном училище и круассанах для парижских проституток [1969] // Отдел устной истории Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. № 106. URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-106> (дата обращения: 01.09.2020).
38. Стенографический отчет научно-технической конференции, посвященной вопросу реставрации пригородных дворцов / Публ. Ю.Ю. Бахаревой, В.А. Семенова // Исторические коллекции музеев. Прошлое и настоящее: Мат-лы науч. конф. СПб.: Фирма «Алина», 2007. С. 109–150.
39. Дмитренко А. Городской голова Одессы // Дерибасовская – Ришельевская: Одесский альманах. 2017. № 69. С. 46–62.

40. Медведева М.В., Мусин А.Е., Александрович В.С. По следам ученой поездки П.П. Покрышкина в 1916-1917 гг.: К 100-летию Буковинской экспедиции Археологической комиссии и Академии наук // Археологические вести. 2017. Вып. 23. С. 416–421.
41. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 80. Оп. 22. Д. 3777.
42. РГИА. Ф. 502. Оп. 4. Д. 21.
43. Удаленков А. О работе Комитета по охране и ремонту монументальных памятников // Музей. Изд-е ЛО Главнауки НКП. 1924. № 2. С. 6–14.
44. Андреев А.И. Остров Екатерингоф // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. II. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 1995. С. 171–191.
45. НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3.
46. НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2.
47. НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 8.
48. НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12.
49. Никитин Н.П. Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л.: Ленингр. отд-ние Союза сов. архитекторов, 1939. 348 с.
50. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 790.
51. ЦГАПИ СПб. Ф. 310. Оп. 2. Д. 9.
52. НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 9.
53. НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 14.
54. НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 21.
55. Каргин Д.И. Великое и трагическое: Ленинград 1941-1942. СПб.: Наука, 2000. 173 с.
56. ЦГА СПб. Ф. 2881. Оп. 15. Д. 337.
57. РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1910 г. Д. 130.
58. НА РАХ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 52.
59. Они пережили блокаду. Ленинград. Т. 12: С-Ф. СПб., 2005. URL: <http://viz.nlr.ru/blockade/show/1898740> (дата обращения: 01.09.2020).
60. Удаленкова Т. «Нас с сестрой на улицу не выпускали...» // Собака.ru. 2018. 24 января. URL: <http://www.sobaka.ru/city/portrety/67366> (дата обращения: 01.09.2020).
61. ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 150.
62. ЦГАПИ СПб. Ф. 341. Оп. 3. Д. 472.
63. Архитекторы блокадного Ленинграда / Авт.-сост. Ю.Ю. Бахарева. СПб.: ГМИ СПб., 2005. 263 с.
64. Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924-1956. Дневники. Статьи. СПб.: Искусство России, 2005. 645 с.
65. Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики: В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 712 с.
66. Аршакуни О.К. Предчувствие: Воспоминания о Юрии Павловиче Спегальском. Л.: Лениздат, 1987. 206 с.
67. ЦГАПИ СПб. Ф. 341. Оп. 3. Д. 304.
68. Архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников Правительства Санкт-Петербурга (далее – Архив КГИОП). Ф. 950. VI-1. Д. Н-3399/1.
69. Архив КГИОП. VI-1. Д. Н-3396/1.
70. Архив КГИОП. VI-1. Д. Н-3397/1.
71. Перцев Н.В. Лекции по практической реставрации / Публ. Ю.И. Кашаверской // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. Вып. 7. / Сост. А.В. Корнилова. СПб.: «Белое и Черное», 2004. С. 266–295.
72. Герасимов И.В. Все влияние «знающим людям»: новая генерация российской интеллигенции как модернизаторы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Мат-лы Междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 278-297.
73. Бранденбергер Д.П. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 405 с.

## References

1. Leont'ev A.G., Kormil'tseva O.M. Leningradskaya shkola restavratsii. Istoricheskoe znachenie [The Leningrad School of Restoration. Historical meaning]. Vestnik «Zodchii. 21 vek» [Vestnik "Architect. 21 century"], 2015, no 2 (55), pp. 10–19.
2. Mil'chik M.I. Ot leningradskoi shkoly restavratsii k peterburgskoi shkole rekonstruktsii [From the Leningrad school of restoration to the St. Petersburg school of reconstruction], Vestnik «Zodchii. 21 vek» [Vestnik "Architect. 21 century"], 2015, no 2 (55), pp. 54–63.
3. Pamyatniki arkhitektury v Sovetskom Soyuze: ocherki istorii arkhitekturnoi restavratsii [Architectural Monuments in the Soviet Union: Essays on the History of Architectural Restoration], Pod obshch. red. doktora arkhitektury A.S. Shchenkova [Schenkova A.S. (ed.)]. Moscow, Pamyatniki Istor. Mysli Publ., 2004. 694 p.
4. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (TsGALI SPb) [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg], f. 598, op.1, d. 525.
5. Kedrinskii A.A., Kolotov M.G., Ometov B.N., Raskin A.G. Vosstanovlenie pamyatnikov arkhitektury Leningrada [The Restoration of Architectural Monuments of Leningrad]. Leningrad, Stroyizdat, Leningradskoe otdelenie Publ., 1983. 311 p.
6. Okhrana pamyatnikov Sankt-Peterburga: K 90-letiyu Komiteta po gosudarstvennomu kontrolyu, ispol'zovaniyu i okhrane pamyatnikov istorii i kul'tury Sankt-Peterburga [Protection of monuments of St. Petersburg: To the 90th anniversary of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments of St. Petersburg]. St. Petersburg, Propilei Publ., 2008. 223 p.
7. Leont'ev A.G. K istorii formirovaniya printsipov i metodologii Leningradskoi restavratsionnoi shkoly. Sobytiya, pamyatniki, biografii [On the history of the formation of the principles and methodology of the Leningrad restoration school. Events, monuments, biographies], Poslevoennoe vosstanovlenie pamyatnikov. Teoriya i praktika XX veka: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 4–5 dekabrya 2014 [Post-war restoration of monuments. Theory and practice of the XX century: materials of the international scientific conference, December 4-5, 2014]. St Petersburg, IPK "Beresta" Publ., 2014, pp. 105–130.
8. Kormil'tseva O.M., Leont'ev A.G., Petrova M.A. «Uspet' porabotat' dlya vechnosti...»: N.N. Belekhov, A.N. Petrov, E.N. Petrova (zhizn' i tvorchestvo) ["To have time to work for eternity ...": N.N. Belekhov, A.N. Petrov, E.N. Petrova (life and work)]. St. Petersburg, Propilei Publ., 2009. 199 p.
9. Trubinov Yu.V. Mramornyi dvorets i Sluzhebnyi dom. Ocherki istorii arkhitektury zdaniy i sudeb obitatelei [The Marble Palace and the Service House. Essays on the history of architecture of buildings and the fate of the inhabitants]. St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 863 p.
10. Baranov N.V. Siluety blokady: Zapiski glavnogo arkhitekтора goroda [Silhouettes of the Siege: Notes of the Chief

- Architect of the City]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1982. 175 p.
11. Berar E. Gorod i gorodskaya kul'tura v XX v. [City and urban culture in the XX century], Sankt-Peterburg: okno v Rossiyu. 1900–1935. Gorod, modernizatsiya, sovremennost': Mat-ly mezhdunar. nauch. konf. Parizh, 6–8 marta 1997 g. [St. Petersburg: The window into Russia. 1900-1935. City, modernization, modernity: Materials of Intern. Scientific conf. Paris, 6-8 March 1997]. St. Petersburg, Feniks Publ., 1997, pp. 5–28.
  12. Niva Zh. Utopiya i katastrofa: Sankt-Peterburg v XX veke [Utopia and catastrophe: St. Petersburg in the 20th century], Sankt-Peterburg: okno v Rossiyu. 1900–1935. Gorod, modernizatsiya, sovremennost': Mat-ly mezhdunar. nauch. konf. Parizh, 6–8 marta 1997 g. [St. Petersburg: The window into Russia. 1900-1935. City, modernization, modernity: Materials of Intern. Scientific conf. Paris, 6-8 March 1997]. St. Petersburg, Feniks Publ., 1997, pp. 183–189.
  13. Shenle A. Arkhitektura zabveniya: ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii Novogo vremeni [Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 357 p.
  14. Maddox S. Saving Stalin's imperial city: historic preservation in Leningrad, 1930 – 1950. Bloomington, Indiana University Press, 2015. XII+284 pp.
  15. Kelly C. Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988. DeKalb, Northern Illinois University Press, 2016. VII+413 pp.
  16. Lisovskii V.G. «Natsional'nyi stil'» v arkhitekture Rossii [“National style” in the architecture of Russia]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2000. 414 p.
  17. Roslavskii V.M. Moskva – Petrograd. Dva tsentra otechestvennoi restavratsii [Moscow - Petrograd. Two centers of Russian restoration]. Moscow, Indrik Publ., 2015. 575 p.
  18. Semenov V.A., Voronin V.V., Bakhareva Yu.Yu., Filipchenko G.Yu. Sto stranits iz istorii okhrany pamyatnikov Leningrada – Sankt-Peterburga [The One Hundred Pages From the History of the Protection of Monuments of Leningrad – St. Petersburg]. St Petersburg, KGIOP, 2018, 239 p.
  19. Lisovskii V.G. Akademiya khudozhestv i ee arkhitekturnaya shkola v protsesse razvitiya russkoi arkhitektury XIX – nachala XX veka: Avtoref. dis. ... d-ra iskusstvovedeniya [The Academy of Arts and its architectural school in the development of Russian architecture of the XIX - early XX centuries: Author's abstract. dis. ... Doctor of Art History]. Leningrad, 1986. 53 p.
  20. Slavina T.A. Issledovateli russkogo zodchestva: Russkaya istoriko-arkhitekturnaya nauka XVIII – nachala XX veka [Researchers of Russian architecture: Russian historical and architectural science of the 18th - early 20th centuries]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1983. 192 p.
  21. Kotov G.I. O razvitiu russkoi arkhitektury v XVIII veke [About development of Russian architecture in XVIII century], Trudy II s'ezda russkikh zodchikh v Moskve [Collection of Works of the Second Congress of Russian Architects in Moscow]. Moscow, Tipo-Litografiya Zh. Sheibel' i F. Voost Publ., 1899, pp. 122–137.
  22. Kirikov B.M. «Russkii stil'»: etapy i napravleniya [“Russian style”: stages and directions], Pamyatniki istorii i kul'tury Sankt-Peterburga: Issledovaniya i materialy. Vyp. 6. [Monuments of history and culture of St. Petersburg: Research and materials. Issue 6]. St. Petersburg, «Beloe i Chernoe» Publ., 2002, pp. 244–253.
  23. Lisovskii V.G. Leontii Benua i peterburgskaya shkola khudozhnikov-arkhitektorov [Leonty Benois and the St. Petersburg School of Artists-Architects]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2006. 399 p.
  24. Pavlova A.L. O deyatel'nosti arkhitekтора M.T. Preobrazhenskogo (150 let so dnaya rozhdeniya) [About the activities of the architect M.T. Preobrazhensky (150th anniversary of his birth)], Russkoe iskusstvo Novogo vremeni. Issledovaniya i materialy. Sb. st. Vyp. 9: Iz istorii Imperatorskoi Akademii khudozhestv [Russian art of modern times. Research and materials. Sat. Art. Issue 9: From the history of the Imperial Academy of Arts]. Moscow, Pamyatniki istorich. mysli Publ., 2005, pp. 297–316.
  25. Preobrazhenskii M.T. Pamyatniki drevnerusskogo zodchestva v predelakh Kaluzhskoi gubernii [The Monuments of the Architecture of Old Russia in Kaluga Province] St. Petersburg, Akademiya khudozhestv Publ., 1891. 119 p.
  26. Preobrazhenskii M.T. Otchet po komandirovke sobraniam Akademii Khudozhestv v Mezhdudedomstvennuyu komissiyu po Isaakievskomu soboru dlya vyyasneniya neobkhodimogo remonta po zdaniyu i ischisleniyu potrebnikh na to sredstv [The report on a trip in accordance with the instructions of the Academy of Arts to the Interdepartmental Commission for St. Isaac's Cathedral to find out the necessary repairs for the building and calculate the funds required]. St. Petersburg, Tip. SPb. grad. Publ., 1911. 32 p.
  27. Medvedeva M.V. Deyatel'nost' arkhitekтора K.K. Romanova v oblasti izucheniya i okhrany pamyatnikov monumental'nogo zodchestva po dokumentam iz sobraniya Nauchnogo arkhiva IIMK RAN [The activities of the architect K.K. Romanov in the field of study and protection of monuments of monumental architecture according to documents from the collection of the Scientific archive of the Institute of the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences], Arkheologicheskie vesti [Archaeological News], 2005, Issue 12, pp. 291–301.
  28. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive], f. 789, op. 33, d. 40.
  29. Romanov K.K. Etapy razvitiya russkoi arkhitektury [The Stages of Development of Russian Architecture], Arkhitektura Leningrada [Architecture of Leningrad], 1939, no 1 (12), pp. 57–66.
  30. Grabar' I.E. Pis'ma, 1941–1960 [The Letters, 1941–1960]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 368 p.
  31. Podvig veka. Khudozhniki, skulptory, arkhitekory, iskusstvovedy v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i blokady Leningrada: vospominaniya, dnevniki, pis'ma, ocherki, literaturnye zapisi. [Feat of the century. Artists, sculptors, architects, art historians during the Great Patriotic War and the siege of Leningrad: memoirs, diaries, letters, essays, literary records]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1969. 391 p.
  32. RGIA [Russian State Historical Archive], f. 789, op. 24, d. 22.
  33. Lyubeznikov O.A. Isaakievskii sobor v 1917-1920-e gg. Arkhitekory M.T. Preobrazhenskii, N.P. Nikitin, A.P. Udalenkov i problema muzeifikatsii pamyatnika [Isaac's Cathedral in the 1917-1920s. Architects M.T. Preobrazhensky, N.P. Nikitin, A.P. Udalenkov and the problem of museumification of the monument]. St Petersburg, Izdatel'stvo “LEMA” Publ., 2017, 68 p.
  34. Nauchnyi arkhiv Rossiiskoi Akademii khudozhestv (NA RAKh) [Scientific archive of the Russian Academy of Arts], f. 42, op. 1, d. 53.
  35. Rukopisnyi otdel Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (RO NA IIMK RAN) [Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], f. 2, op.3, d. 675.
  36. Midler V.M. O provalennoi missii vernut' Korovina i Benua iz emigratsii, uroke professionalizma ot Grabarya i spetsifike evreiskogo natyurmorta [On the failed mission to return Korovin and Benoit from emigration, a lesson in professionalism from Grabar and the specifics of Jewish still life], Otdel ustnoi istorii Nauchnoi biblioteki MGU im. M.V. Lomonosova. № 517-518. [Department of Oral History of the Scientific Library of Moscow State University]. Available at: <http://oralhistory.ru/talks/orh-517-518> (Accessed 01.09.2020).
  37. Nyurenberg A.M. O pol'ze khudozhestvennogo talanta, sotsial-demokratikh v Odesskom khudozhestvennom uchilishche i kruassanakh dlya parizhskikh prostitutok [On the benefits of artistic talent, social democrats at the Odessa Art School and croissants for Parisian prostitutes], Otdel ustnoi istorii Nauchnoi biblioteki MGU im. M.V. Lomonosova. № 106. [Department of Oral History of the Scientific Library of Moscow State University]. Available at: <http://oralhistory.ru/>

talks/orh-106 (Accessed 01.09.2020).

38. Stenograficheskii otchet nauchno-tekhnicheskoi konferentsii, posvyashchennoi voprosu restavratsii prigorodnykh dvortsov, Publ. Yu.Yu. Bakharevoi, V.A. Semenova [Verbatim report of the scientific and technical conference on the restoration of suburban palaces, Publ. Yu.Yu. Bakhareva, V.A. Semenova], Istoricheskie kolleksii muzeev. Proshloe i nastoyashchee: Mat-ly nauch. konf. [Historical collections of museums. Past and present: Materials of scientific conf.] St. Petersburg, Firma «Alina» Publ., 2007, pp. 109–150.
39. Dmitrenko A. Gorodskoi golova Odessy [The Mayor of Odessa], Deribasovskaya – Rishel'evskaya: Odesskii al'manakh [Deribasovskaya – Rishel'evskaya: Odessa almanac], 2017, no. 69, pp. 46–62.
40. Medvedeva M.V., Musin A.E., Aleksandrovich V.S. Po sledam uchenoi poezdki P.P. Pokryshkina v 1916-1917 gg.: K 100-letiyu Bukovinskoi ekspeditsii Arkheologicheskoi komissii i Akademii nauk [In the wake of P.P. Pokryshkin in 1916-1917: To the 100th anniversary of the Bukovinian expedition of the Archaeological Commission and the Academy of Sciences], Arkheologicheskie vesti [Archaeological News], 2017, Issue. 23, pp. 416–421.
41. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb) [Central State Archive of St. Petersburg], f. 80, op. 22, d. 3777.
42. RGIA [Russian State Historical Archive], f. 502, op. 4, d. 21.
43. Udalenkov A. O rabote Komiteta po okhrane i remontu monumental'nykh pamyatnikov [About the Work of the Committee for the Protection and Repair of Monumental Monuments], Muzei. Izd-e LO Glavnauki NKP [Museum. Publication of the Leningrad Branch of the Glavnauki NKP], 1924, no. 2, pp. 6–14.
44. Andreev A.I. Ostrov Ekateringof [The island of Ekateringof], Nevskii arkhiv: Istoriko-kraevedcheskii sbornik. Vyp. II. [Nevsky Archive: Collection of History and Local Lore. Issue II.] Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1995, pp. 171–191.
45. NA RAKh [Scientific archive of the Russian Academy of Arts], f. 42, op. 1, d. 3.
46. NA RAKh, f. 42, op. 1, d. 2.
47. NA RAKh, f. 42, op. 1, d. 8.
48. NA RAKh, f. 42, op. 1, d. 12.
49. Nikitin N.P. Ogyust Monferran. Proektirovanie i stroitel'stvo Isaakievskogo sobora i Aleksandrovskoi kolonny [Auguste Montferrand. Design and construction of St. Isaac's Cathedral and Alexander Column]. Leningrad, Leningr. otd-nie Soyuzsa sov. Arkhitektorov Publ., 1939. 348 p.
50. RO NA IIMK RAN [Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], f. 2, op. 3, d. 790.
51. TsGALI SPb [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg], f. 310, op. 2, d. 9.
52. NA RAKh, f. 42, op. 1, d. 9.
53. NA RAKh, f. 42, op. 1, d. 14.
54. NA RAKh, f. 42, op. 1, d. 21.
55. Kargin D.I. Velikoe i tragicheskoe: Leningrad 1941-1942 [The Great and tragic: Leningrad 1941-1942]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000. 173 p.
56. TsGA SPb [Central State Archive of St. Petersburg], f. 2881, op. 15, d. 337.
57. RGIA [Russian State Historical Archive], f. 789, op. 13, 1910. d. 130.
58. NA RAKh, f. 42, op. 1, d. 52.
59. Oni perezhili blokadu. Leningrad. T. 12: S-F. [They survived the blockade. Leningrad. T. 12: S-F]. St. Petersburg, 2005. Available at: <http://visz.nlr.ru/blockade/show/1898740> (Accessed 01.09.2020).
60. Udalenkova T. «Nas s sestroi na ulitsu ne vypuskali...» [“My sister and I were not allowed out into the street ...”], Sobaka.ru, 2018, 24.01. Available at: <http://www.sobaka.ru/city/portrety/67366> (Accessed 01.09.2020).
61. TsGA SPb [Central State Archive of St. Petersburg], f. 330, op. 1, d. 150.
62. TsGALI SPb [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg], f. 341, op. 3, d. 472.
63. Arkhitektory blokadnogo Leningrada [Architects of the Siege Leningrad] St. Petersburg, GMI SPb. Publ., 2005. 263 p.
64. Balaeva S.N. Zapiski khranitel'ya Gatchinskogo dvortsa. 1924-1956. Dnevnik. Stat'i. [Notes of the keeper of the Gatchina Palace. 1924-1956. Diaries. Articles]. St. Petersburg, Iskustvo Rossii Publ., 2005. 645 p.
65. Dobrenko E.A. Pozdний stalinizm: estetika politiki: V 2 t. T. 1. [Late Stalinism: The Aesthetics of Politics: In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 712 p.
66. Arshakuni O.K. Predchuvstvie: Vospominaniya o Yurii Pavloviche Spegal'skom. [Premonition: Memories about Yuri Pavlovich Spegalsky]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1987. 206 p.
67. TsGALI SPb [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg], f. 341, op. 3, d. 304.
68. Arkhiv Komiteta po gosudarstvennomu kontrolyu, ispol'zovaniyu i okhrane pamyatnikov Pravitel'stva Sankt-Peterburga (Arkhiv KGIOP) [Archive of the Committee for State Control, Use and Protection of Monuments of the Government of St. Petersburg], f. 950, VI-1, d. N-3399/1.
69. Arkhiv KGIOP [Archive of the Committee for State Control, Use and Protection of Monuments of the Government of St. Petersburg], VI-1, d. N-3396/1.
70. Arkhiv KGIOP, VI-1, d. N-3397/1.
71. Pertsev N.V. Lektsii po prakticheskoi restavratsii [Practical Restoration Lectures], Pamyatniki istorii i kul'tury Sankt-Peterburga: Issledovaniya i materialy. Vyp. 7. [Monuments of history and culture of St. Petersburg: Research and materials. Issue 7. St. Petersburg, «Beloe i Chernoe» Publ., 2004, pp. 266–295.
72. Gerasimov I.V. Vse vliyanie «znayushchim lyudyam»: novaya generatsiya rossiiskoi intelligentsii kak modernizatory [All the influence of “knowledgeable people”: the new generation of the Russian intelligentsia as modernizers], Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov: Mat-ly Mezhdunar. nauch. kollokviuma [Power and science, scientists and power: 1880s - early 1920s: Materials of Intern. Scientific colloquium]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2003, pp. 278–297.
73. Brandenberger D.L. Stalinskii russotsentrizm: sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931-1956 gg.) [Stalinist Russocentrism: Soviet Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931-1956)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017. 405 p.